

Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе
2020/2021 учебный год

10 класс

Задание №1
Аналитическое задание
(целостный анализ поэтического ИЛИ прозаического текста – по выбору
ученика)

Выполните целостный анализ стихотворения современного костромского поэта *А. Бурлакова «Росчерк - стремительный, нервный, точный...»*, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: основной пафос произведения, ключевая идея, средства художественной выразительности, применённые для создания образной системы; отметьте специфические элементы содержания и формы (поэтики) стихотворения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст

Александр Бурлаков

* * *

Росчерк – стремительный,
нервный, точный...
...По голубому – пером – стрижи
Пишут в небе и днём и ночью
Как иероглифы – виражи.

Резкое «чвирк» на высокой ноте –
Только что был, и
гляди – пропал.
Воздух от скорости густ и плотен,
Будто... судьбы тропа.

Третий ли день, а не то –
четвёртый,
Как прилетели
и ведь – не все...
Под небесами до дыр протёртыми
Хоть бы один присел!!!

Вечное это паренье
мне бы
Да невесомый земной простор...
До горизонта уходит небо,
И до небес – восторг!!!

И под пером проступают строки,
Выси стрижиные – у виска...
Книгу жизни –
от корки до корки –
Кто описует? Как?!!

Кто, разумея предвечные веды,
Сможет потом их считать «с
листа»?!!
...То ничего, что Бог крыльев не
дал –
Он с нами
вровень встал.....

Выполните целостный анализ рассказа *Бориса Петровича Екимова (род. 1938)* «*Старые люди*». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): речевую организацию текста, композицию и сюжетную динамику истории; роль заглавия, художественного времени и художественных деталей в повествовании; наконец, постарайтесь сделать вывод о своеобразии авторской позиции в произведении.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

Б.П. Екимов

Старые люди

Люди, возле которых живешь, старятся незаметно. Но не вечен и их срок. И вот приходит пора... Не смертная, нет. Но приходит час, когда поневоле повторяешь: «Старые люди, что малые дети».

Живем мы по соседству с бабой Феней, дворы наши делит ледащий заборишко. И уж какие тут секреты...

Вот кормит баба Феня обедом внука, кормит и приговаривает:

- Хлебушка, хлеба поболее ешь... Не бойсь, откусывай. А то как же... С хлебушком и сытый будешь. А так разве тебя накормишь. Кусай, кусай, не прилепивайся. Зубки у тебя молодые, острые, - припевает она возле внука. Отойдет по своим делам, и снова воротится, и снова свою песню ведет:

- А хлеба чего не ешь? Это почему ж так? Либо он горький, полыном отдает?

- Баба, ну, отстань. Кто же с макаронами хлеб ест? - разъясняет внук. Там мука и там мука.

- Гос-споди... Да как же без хлеба! Без хлеба тебя не укормишь. Без хлеба ты не знай сколько смолотишь. А макароны из магазина берем, они денежку стоят. А с хлебушком оно...

Начнет внук чай пить, а баба Феня снова тут:

- Какой сахарный... Это кто же по стольку кладет? На тебя и сахару не настатишься, никаких зарплатов не хватит. А от него, от сахару, да от конфетов ваших зубы падают, - пугает она. - Да...

Внук бабкины слова слышал, и переслышал, и слушать устал. Он лишь иногда, для порядку, огрызнется: «Не бойсь, не выпадут», - и дело с концом.

Баба Феня тут же его окорачивает:

- У-ух, еще скусывается... Молодой, а зубатый. Научились со старыми разговаривать. Повыучили их в школе. В старые бы времена...

Но с внуком что... С внуком баба Феня поговорить умела. А вот вечерами...

За ужин обычно садились все вместе: сын с невесткой, внуки, а баба Феня наливала, потом и сама, коли была охота, вечеряла. За ужином было труднее.

- Мама, - спрашивала невестка, - а сметана у нас есть? А ну, слазь в погреб, - приказывала она сыну. - Принеси сметану.

Баба Феня вздыхала и будто с собой разговаривала:

- Такой ныне борщ жирнющий. Прямо не мясо попало, а сало одно. И заправку я пережаривала с маслицем. Много маслица клала, - и замолкала, поджав губы, и с неммым укором глядела на всех.

Уже привыкли к этим разговорам. Уже привыкли. Но невестка нет-нет да и звякнет ложкой и мужа глазами ожжет. А сын у бабы Фени хороший. Он лишь скажет:

- Ну, чего ты, мама? Жалко, что ль...

- Мне не жалко, - дрогнет голос у бабы Фени. - Не мое, вами купленное. А только, я говорю, жирнющий борщ. И маслица я добавляла.

- Жадная ты какая-то стала, - засмеется сын.

После таких разговоров баба Феня приходит к нам, к моей матери. И долго сидят они на ступенях крыльца, вспоминают.

- Жадная... - в десятый раз жалуется баба Феня. - А вот в войну, когда мы уходили... С утра лопату беру и иду. А пайку свою, хлебушко-то, вроде забуду, им оставляю. Сама день-деньской водичку да водичку... День-деньской. А норму надо сделать, кубометры. Обмеряют вечером. Домой прибежишь, похлебаешь щец из лебеды... Вот и жадная...

Моя мать молчит, слушает, вздыхает.

- А после войны... По карточкам получишь, поглядишь... Господи, да рази...

Мать молчит и вздыхает. А в соседнем, бабы Фенином, дворе невестка посуду моет, позвякивает, сын в огороде, внуки со своими делами. Все уже привыкли. Не первый день такое. Но раньше незаметно было, а вот теперь...

* * *

Ни у нас, ни у соседей, во всем нашем ауле морковка не удавалась. Место, видно, такое, гольный песок. А у бабы Поли росла, да сладкая из года в год, прямо сахарная. И всегда я этой морковкой угощался. Идешь по огороду, баба Поля кричит: «Погоди, сейчас я тебе морковки сорву». Надергает, даст, хрумкаешь. Сладкая морковь. Любила она и подшутить. Возишься в огороде, а вдруг, откуда ни возьмись, морковка летит - и прямо к тебе. Или идешь, а морковь на дорожке лежит, тебя ожидает. А баба Поля из-за кустов откуда-нибудь смеется, довольная.

Повзрослев, я надолго уехал из дому, а когда вернулся, то с бабой Полей уже начиналась беда. Стала она забываться.

Оборвет все цветы в палисаднике, по соседям разнесет. «Вот цветочков вам...» - «Да у нас своих, - скажут ей, - полный двор». - «У вас свои, а это мои, у вас таких нету».

Яблоки еще зеленые, а она их рвет - и по людям. «Яблочков вам, угощайтесь». У нее не берут, ругают. Тогда она молчаком. У нас в огороде под грушей складывала да на бочку. Идешь - горка яблок лежит, или огурцов нарвет, редиски, букетик цветов. Яблоня у нее хорошая росла, «симиренко», зимний сорт, его до морозов держат. А баба Поля их зеленцом погубит. Ругают ее дочь, да зять, да внуки, уж взрослые. А у нее один ответ: «Я - хозяйка».

Хозяйка... Хозяйкой она всегда была, работницей. В войну без мужа осталась, двоих детей вырастила огородом. А теперь вот...

Скорбная голова не давала ей отдохнуть. Весь день на жаре, на солнце. Не то чтобы прилечь, не присядет. Поливает весь день, поливает. Родные стали мотор отключать, чтобы не спалила. Да и чего без толку лить. Но баба Поля не успокоилась. С утра свой бак выберет - и по людям. Придет, просит: «Разрешите от вас водичку брать. Горит все, а я свою колонку никак не включу». Поначалу никто не отказывал. И она день-деньской из чужих дворов на свой огород воду тягала. Таскает, мучается, но соседские баки и бочки начисто опорожнит.

Потом ей не стали давать. Не жалко, но зачем... Баба Поля на хитрость пошла. Придет с ведром, жалуется: «Воды в доме капли нет, а так пить хочу, пряма горло пересохло». Наберут ей ведро холодненькой, а она через пять минут снова с пустым и опять просит: «Так пить хочу, все во рту пересохло». И снова тащит ведро на полив.

Наконец стали огородные калитки да воротца от бабы Поли запирают. И тут началось совсем горькое.

Родные с утра на работу, а баба Поля к колонке, воду добывать. Потыркается с мотором, а свет выключен. Тогда впрягается баба Поля и крутит, и крутит тяжеленное колесо насоса. Струя воды полегонечку течет, наполняя бак.

Ведро набрать вручную, ну, другое... При добром поливе да на жаре и здоровый, пятикиловаттный мотор греется - тяжело. А тут руками. Солнце палит, жарко. А баба Поля, иссохшими руками колесо уцепив, крутит его и крутит. Всем телом налегает, и гнется в дугу уже немощное сухое тело. На жилистой шее вены в палец толщиной дуются, того и гляди лопнут. По черному лицу - пот, выгоревшее ситцевое платье - мокрое. А губы свое шепчут: «Погорит все, господи...» Выбьется баба Поля из сил, водички попьет, постоит недолго, отдышится и снова за работу.

Соседи ее уговаривают:

- Прокофьевна, что ты себя мучаешь? Утром твои поливали, вечером остальное польют. Чего ты крутишь его?

Остановится баба Поля, поглядит и лишь вздохнет горько:

- Как же не поливать? Какое солнце стоит... Гормя все горит. С чем останемся, чем зимовать будем? Милостыньку по людям просить?..

И снова берется за колесо, и вертит, и вертит его из последних сил. Дыхание обрывается, платье от пота колом стоит. Светлая струя воды течет в бак.

Все понятно, глубокая старость, омраченный разум. Но почему?.. Если есть в мире высшая справедливость, то почему даже в скорбном недуге баба Поля, как и всю долгую жизнь в тяжелой работе, в работе?

* * *

В райсобес ее давно не пускают, надоела. Лишь заглянет в дверь, спросит: «Можно к вам?» - от нее руками и ногами отмахиваются: «Иди, иди отсюда, бабуля. Сколько можно с тобой». В редакцию районной газеты она иногда заглядывает. Но и там ее не привечают. К большому районному начальству она вряд ли пойдет. Да и кто ее пустит, слушать будет? А может, и ходила, не знаю.

С недавних пор ходит ко мне. Видно, добрые люди посоветовали. За лето уж третий раз приходит. Все об одном говорит. Делать нечего, сижу слушаю.

- По-умному вот рассуди, по-умному... Родная моя дочеря, младшая, Таиска, двоих родила, враз, Ксеню и Володьку. А Ване, старшему, три годика всего было. Вот по-умному рассуди, куда деваться? Хочешь не хочешь, а пришлось к ней ехать, помочь оказывать. Куда денешься, родная дочь. На хуторе-то, милый человек, мне легче было. Они счас, в собесе-то, по глазам меня стебают: почему, дескать, колхоз кинула до срока, года, мол, не вышли, а ты умелася. Я ихней заведующей напрямик сказала: ты сама детная, по-умному и рассуди. Могла я родную дочерю покинуть? Она враз двоих родила, и Ваня еще несмысленный. Кто же помочь окажет, окромя родной мамушки? А в Рубежном, на хуторе, в колхозе, мне куда легче было. Знай свое дело... Я же, милый человек, рожачка этого хутора. На Рубежном и мама моя сроду жила, и папа, все родствие. И я всю жизнь там провела. Работой смальства не требовала. Это тебе всякий скажет, никто меня не упрекет. Завсегда меня грамотами награждали. Я вот тут принесла, - она развязала узелок и вынула тяжелый сверток старых желтых бумаг. - Ребятишки порастягали. Чудок вот осталось. А было... Да мы же не сохраняли, глупые... с пожелтевших от времени бумаг еще светили золотые буквы и строго глядели красивые вожди. - Всю жизнь... Безотказно. Девчонкой еще была, а уж с мамой на поле. Раньше же не как счас. Это нынче обдувают да в сип целуют.

А в Отеческую - я на тракторе. В Отеческую мужа забрали, а у меня трое: Мария, Клавдя и Таиска. Три девки на руках осталось. А Федот Алексеич наш не пришел. Спокинул нас, под городом Борисовском. Вот и справка у меня есть... А я осталася, на руках трое, Маруся, Клавдя и Таиска. Всю Отеческую на тракторе... А потом я при лошадях работала. На Рубежном всяк скажет, сроду я не баглайничала. Да и трое девок, их прокормить да поднять надо. И я не упустила, образование дала. Старшая, Маруся, в швейном работает. Вторая, Клавдя, в санитарках, при больнице. А Таиска - в почтальонах.

У нее и мужик там. Вместе они на почте работают. Когда она разом двоих родила, пришлось ехать, куда же деваться. На хуторе одной мне много ли надо? А здесь навалилась страсть божия. Детвора эта, и сама дочеря моя не в силах. А по дому-то все сделать надо: и сготовить, и убрать, и постирать. И ты не подумай, вот она бумага, в ней чисточко все понаписано. Я как приехала, сразу нанялась в сторожа и печи топить при детском саде. Восемь печей, мыслимое ли дело? А уголь в сарае лежит, крыша худая, протекает, он смерзнется весь. Хоть криком кричи, а делать надо. Восемь печей. На кухне, да в прихожей, да в двух игровых, да в двух спальнях, в горшечной, в канцелярии. Каждую выгрести надо, дров наносить. Да, милое моё дите, это я с трех часов начинаю топить и до утра. А потом домой бегу. Тама меня дела ждут. Для своих надо работать. И так каждый божий день.

Сам посуди, мне на хуторе разве не лучше было? Одной, для себя... А они говорят, в бесе-то, почему уехала, не дождалась, своих годов не выработала. За то, мол, и пенсия тебе такая, двенадцать рублей. Закон, дескать, гласит.

А я, милое дите, сроду в работе. Это меня еще мама научала. И я смальства... В Рубежном тебе всякий скажет... - она говорит и говорит. - А в Отечественую... Вот они грамоты... Федот Алексеич смертью храбрых... Маруся, Клавдя и Таиска... Восемь печей, на кухне... в двух спальнях да в горшечной... - она говорит и говорит. Третий раз уже за лето приходит. Видно, добрые люди подсказали. Что делать... Сижу слушаю.

Задание №2

Творческое задание

Накануне 1 сентября в одном из учительских интернет-сообществ разгорелся спор об уместности нестандартного оформления тетрадей по русскому языку. Кому-то оформление показалось вульгарным, кому-то – юмористическим, кто-то счёл его насмешкой над классикой.

Предложите свой вариант оформления тетради по литературе для 10 класса. Представьте, что вы сотрудник издательского холдинга и работаете в подразделении, отвечающем за выпуск тетрадей, альбомов, блокнотов и т. п. Объясните художнику-оформителю свою концепцию обложки и опишите её конкретные характеристики (это может быть либо устное выступление на совещании, либо письменная инструкция /докладная записка – на ваш выбор).

Уделите особое внимание следующим вопросам (чётко объясните каждое своё решение):

- Смысл и настроение: на какие эмоции рассчитана обложка и как она содержательно связана (или не связана) с литературой?
- Какие компоненты рисунка вы считаете обязательными? (Портреты писателей? Обложки книг? Афиши фильмов или спектаклей по литературным произведениям XX века? Репродукции картин? Символические изображения?)
- Текстовая часть изображения: нужна она на обложке или нет? Почему? Если текст должен быть, то какой именно?
- Дополнительные элементы оформления тетради (дизайн страниц, поля, разлиновка и т. п.).

Объём работы – примерно 200–250 слов.